

лагать средства къ осуществленію неосуществимаго? Да, это очень практично, но отъ такой практичности избави Боже всякую этику, ибо она лишаетъ ее всякаго нравственнаго характера. Къ сожалѣнію, эта обѣтованная земля, куда приводитъ человѣка исполненіе нравственныхъ правилъ по Л. Толстому, есть химера, призракъ для всякаго отдѣльнаго нравственно дѣйствующаго субъекта и въ то же время просто утопія, не лучше и не хуже тѣхъ, какія создавало человѣческое воображеніе, не удовлетворяемое земною дѣйствительностію. Обыкновеннаго человѣка трудно убѣдить, что отъ исполненія правилъ новой морали человѣчество когда-то достигнетъ счастья на землѣ, когда онъ самъ лично страдаетъ и несчастливъ именно оттого, что исполняетъ законъ новой морали среди большинства эгоистовъ. Правда, ему сулятъ безсмертіе, но каково это безсмертіе, мы уже видѣли. Что касается рая на землѣ, то едва ли кто повѣритъ, что когда-либо онъ осуществится въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисуется Л. Толстымъ — безъ государства, безъ брака, безъ собственности и т. п. Съ точки зрѣнія истиннаго христіанства это именно утопія, вносящая безсмыслицу въ исторію человѣчества, разъ осуществленіемъ ея кончается весь историческій процессъ. Земное счастье, утверждаетъ Л. Толстой, есть необходимое слѣдствіе нравственнаго совершенства. Но истинное христіанство вѣритъ, что на землѣ нравственнаго совершенства достигнуть нельзя, а слѣдовательно не осуществится и воображаемый Л. Толстымъ рай на землѣ. Съ другой стороны, неужели вся исторія человѣчества, вся нравственная работа отдѣльныхъ личностей и нравственный прогрессъ безчисленныхъ поколѣній человѣчества имѣетъ цѣлю счастье немногихъ людей, дожившихъ до осуществленія этой мечты? Къ чему были всѣ эти страданія, эти самоотверженные подвиги ревнителей закона любви, когда они-то умерли, не испытавъ счастья, и когда отъ ихъ трудовъ будетъ матеріальное благо для имъ невѣдомыхъ поколѣній и затѣмъ все кончится? Л. Толстой не признаетъ безконечнаго существованія человѣчества, ибо оно разрушало бы его мораль. Разъ цѣлю нравственной дѣятельности всего человѣчества есть счастье въ томъ вкусѣ, въ какомъ изображаетъ его Л. Толстой, и прак-